

У эстонских товарищей (ВСТРЕЧИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Редактор толстого ежесеместника «Виснурк» («Пятиугольник») писатель Ааду Хинт совсем молод. Как все молодое поколение в Прибалтике, он не знает русского языка, но упорно изучает его.

Мы познакомимся с Ааду Хинт в кафе «Кульгас», где собираются писатели, актеры, художники и композиторы Эстонии. У писателей и работников искусства, которые не подчинялись казенной муштре пятковского режима, не было клубов, где они могли бы встречаться. Клубы были у писателей и журналистов реакционных. Честная, передовая часть интеллигенции избрала своим клубом кафе «Кульгас». Он остался им до сих пор.

Ааду Хинт — в недавнем прошлом сельский учитель, подпольщик-коммунист, ныне депутат Временного Верховного Совета Эстонской ССР.

Вообще во всех трех прибалтийских советских республиках писатели занимаются сейчас большой государственной работой. Многих эстонских писателей можно искренне пожалеть — заняты они до предела. Но им можно так же искренне позавидовать — они наблюдают процессы, происходящие в стране, не собоку, а находясь внутри этих процессов, руководя перестройкой всей жизни.

Поэтому Ааду Хинт, редактируя журнал, в гораздо большей степени занят советской работой. Впрочем, это не мешает ему писать новый роман о том, как учитель становится коммунистом.

— Как жили мы, — говорит он, — это вы узнаете потом. Нам важнее узнать, как живете и работаете вы. Не вам у нас, а нам у вас надо учиться. Поэтому вы уже рассказывайте, а мы будем слушать.

И пришлось часами говорить, отвечать на бесчисленные вопросы. Знают тут преимущественно советских прозаиков, меньше поэтов, почти совсем не знают драматургию и драматургов. И вообще информация о жизни Советского Союза, интерес к которой колоссален, весьма и весьма бедна.

Ааду Хинт решил в каждом номере своего журнала отводить большое место для литературы народов Советского Союза. В ближайшем номере будут представлены литература и искусство РСФСР — куски из наиболее значительных романов, поэзия, статьи о литературе и искусстве, историко-географический очерк, репродукции... В декабрьском номере «Виснурка» будет представлена литература Украины, затем Грузии и т. д. Уже в сентябрьской книжке журнала Хинт поместил несколько статей о Советском Союзе, о советских писателях, несколько стихотворений Маяковского, «Песню о соколе» Горького и др. В этом же сентябрьском номере «Виснурка» помещено стихотворение Лены Паркер, которая 15 лет просидела в тюрьме. В тюрьме же в 1929 году было написано стихотворение, о котором идет речь, — «Осень в тюрьме». Тов. Лена Паркер сейчас занимается поэзией и журналистикой. Писатели Советской Эстонии, несмотря на загруженность государственной работой, пишут свои новые романы, стихи.

Август Якобсон, председатель союза писателей, работает над новой повестью, скоро выйдет книга прозаика-критика Фридберта Тугласа — «Воспоминания о юности» (книга связана с событиями 1905 года). Этот писатель сидел в таллинской Вышгородской тюрьме. Эстонский юморист Оскар Лутс выпускает два тома воспоминаний о первой мировой войне. Педро Крустен ожидал выхода в свет сборника своих новелл. Издается антология эстонской поэзии. В ней будут представлены и 20 современных эстонских поэтов. Поэт Ян Бярнер написал книжку стихов «Песни борьбы». Будут изданы избранные стихи Иоганна Барбаруса, Августа Алле и других.

Поэт Иоганес Семпер — заместитель наркома просвещения, принял меня в Наркомпросе. Пришлось подождать, пока тов. Семпер освободится: он принимал в этот день профессоров из Тартуского университета, учителей из провинции.

Поэт говорил со мной не о своих поэтических делах. Он говорил об остром недостатке школьных зданий в селах, об их ветхости и бедности. Надо сказать, что советское правительство Эстонии (разумеется, с большими трудностями) успешно разрешает многочисленные проблемы, возникающие вокруг этого сложного и большого дела. За какие-нибудь три месяца открылось больше ста первых классов средней школы. Количество учеников этих классов увеличилось ровно вдвое. Все программы школ и высших учебных заведений переработаны.

Учебный план школ предусматривает такие предметы, которые здесь раньше никогда не преподавались. Мир природы, его законы, состояние современного человеческого общества, история культуры, география и история СССР, русский язык, художественное и физическое воспитание — все это включено в школьные программы. Духовенство окончательно изгнано из школ. Одновременно правительство отменило старые законы о пенсионном капитале для лиц духовного звания, а в Тартуском университете закрыта кафедра богословия.

Мы разговаривали с тов. Семпер через два дня после открытия Тартуского университета. В древнем университете, основанном в 1632 году, стены которого видели многих, впоследствии знаменитых деятелей науки, искусства, по поводу начала учебного года было устроено большое торжество. Это торжество можно назвать истинно народным, потому что народным стал знаменитый университет.

В этом году университет принял 420 юношей и девушек — сыновей и дочерей рабочих, крестьян и интеллигентов. Такая молодежь была в этом университете редкостью. Дочь таллинского шофера Агнес Альберт или, например, сын железнодорожного рабочего Хейно Алари не могли до сих пор думать о высшем образовании. Второго октября ректор университета тов. Круус вручил им студенческие удостоверения.

Здесь же, в Тарту, существует литературный музей, располагающий огромным запасом фольклорного материала — народных сказок, преданий, песен. Одних граммофонных записей народного устного твор-

чества здесь имеется до 700.000. Музей тесно связан со сказителями. Одна из них — Эпп Вазар, импровизаторша и песенница, знает буквально тысячи народных песен и сказаний.

Разговаривая с тов. Семпер, мы не могли не коснуться огромнейшего переворота в жизни эстонского трудового крестьянства. Как раз накануне были опубликованы декреты советского правительства Эстонии о наделении земель малоземельного и безземельного крестьянства и батраков. Земли церковные, монастырские, дворянские, земельные излишки, отрезанные у кулаков, и другие составили государственный земельный резерв.

Наделы малоземельных крестьян увеличены до 12 и до 15 гектаров. Получили землю 70.000 батраков, работавших по 18—20 часов в сутки за плату немалую. Получили землю крестьяне Печорского низовья, разоренного и угнетаемого края, населенного русскими.

Земля дана безвозмездно и навечно.

Просвещение политическое, о котором так много говорят в Таллине, касается не только коммунистов и комсомольцев, но и широких слоев эстонской интеллигенции.

Интерес к «Краткому курсу истории ВКП(б)» огромен. Эту книгу на русском и эстонском языках я видел у многих писателей, актеров и художников. Книга эта читается серьезно, вдумчиво, медленно.

Школы партийной учебы посещаются хорошо не только партийными товарищами. Партийные школы открыты во всех городах Эстонии — в Таллине на 200 человек, в Тарту, в Нарве, Курессааре и т. д. Программа этих школ рассчитана на 250 часов и помимо истории ВКП(б) включает в себя общую историю, историю СССР, экономическую географию, Конституцию СССР и т. д.

Кроме того, созданы вечерние вузы по изучению марксизма-ленинизма в Таллине и в Тарту — первый для 150 слушателей, второй — для 60. Занятия в партийных школах и вузах начались.

В Таллине мне приходилось довольно часто встречаться не только с писателями,

но и с режиссерами, художниками. Говорили мы о литературе. Один режиссер поразил меня до глубины души такими словами:

— Вот, — сказал он, — прочитал я недавно несколько советских пьес и подумал: неужели весь ваш мир наполнен таким же количеством подлепов, негодяев и жуликов, какими наполнены, простите меня, эти пьесы? А где же настоящие советские люди, люди, создавшие вашу жизнь, которой мы так хотим следовать, подражать? Их мы в этих пьесах почти не видим.

И где бы ни приходилось выступать в Эстонии — у красноармейцев, у краснофлотцев, перед эстонской интеллигенцией, — всюду одни и те же вопросы преследовали меня:

— А скажите, товарищ, почему в ваших произведениях так мало людей современности? Где он, этот большой человек советской жизни? Почему о нем так мало написано и кто пишет о нем?

Нигде я, как писатель, не получал столько самых острых, самых беспощадных вопросов, как там, в Прибалтике, и нигде и никогда я не чувствовал порой столько радости, а порой столько боли за себя и за многих своих товарищей, как там.

Эстонские художники (их много, и среди них есть очень хорошие мастера) переживают переворот, совершенный народом, очень остро. Некоторые из них до переворота мудрили и манерничали, угождая вкусам (или, может быть, безвкусию?) правящих групп и группок. Однако в среде честных, самостоятельно мыслящих художников преобладали реалистические тенденции. Тартуские художники группировались и группируются вокруг Высшей художественной школы, основанной в двадцатых годах живописцем Конрадом Мяги. Известны своими работами портретист Лиманд, пейзажист Выраган, Иогани, очень талантливый график Виральт... К таллинской группе принадлежит 75-летний художник Христен Рауу — один из выдающихся мастеров Эстонии.

Все они сейчас озабочены дальнейшей судьбой изобразительного искусства Эстонии. Отныне главным их заказчиком и

судьей стал народ. Он требует полноправного творчества. Художники жадно потянулись в гущу народной жизни, вышли из своих ателье, часто собираются и толкуют о будущих работах.

И мечтают о связи с художниками Советского Союза, ждут приглашений участвовать в том огромном количестве конкурсов, которые проводятся у нас, ждут устава союза, стучатся во Всекохудожник, просят писать им чаще и больше...

Самым глубоким и незабываемым было посещение линкора «Марат». Корабль, стоящий в ряду других огромнейших пловучих крепостей, его оснастка, могучее вооружение, его необычные помещения, его кипучая жизнь, движение на палубе, чистота — все это никогда не уйдет из памяти. Интерес к советской литературе здесь необычайный. Пожалуй, самое большое, что я унес с этого корабля, — это изумление перед той высокой степенью культуры, которая бросается в глаза.

В корабельной библиотеке я наугад взял читательскую карточку № 921, принадлежащую краснофлотцу И. Дадьнину. За сравнительно небольшое время он прочел 110 книжек. В его карточке — список наиболее известных в СССР произведений советских авторов, более 50 сочинений русских и западных классиков, книги по философии, истории, географии, истории партии и т. д.

Мне показали товарища Дадьнина. Он говорил со мной не менее сурово и не менее квалифицированно, чем любой критик. Он знает сочинения советских писателей, наши невыполненные и плохо выполненные планы. А вокруг нас стояли сотни товарищей Дадьнина, знающие о литературе не меньше, чем он.

В эти минуты я спрашивал себя: «Последние полтора—два года многие из нас, в том числе и я, сочиняли порой просто бесполезную, а порой и вредную чепуху. Какое же право имели мы, писатели советской страны, тратить на эту чепуху наши силы, способности, время?». Увы, ответа на этот вопрос я не мог найти.

Николай ВИРТА.